

от 17 АПР 43
Москва Газета №

Владимир Иванович Немирович-Данченко

Слава русского театра

Незабвенный, ушедший от нас навеки Владимир Иванович Немирович-Данченко сыграл в моей жизни огромную роль.

Ещё в 1893 году я, неопытный юнец, пришёл к нему в Филармоническое училище, где он был преподавателем по драме. И с той поры я под его крылом проработал с ним полвека, неизменно находя в нём требовательного, мудрого, всегда устремленного вглубь, руководителя и воспитателя, до мельчайших тонкостей изучающего и познающего тайны нашего театрального искусства — и умеющего передавать этот дар другим.

Потеря для искусства, для театра огромна. Долг наш — особенно старших товарищей — сохранить память о нём в театре навсегда.

А для этого надо: работая над каждым спектаклем, на каждой репетиции, готовить будущие молодые кадры, непрестанно думать о наших великих учителях — создателях Московского Художественного театра, об их огромных требованиях, прежде всего к себе, к нам, актёрам, ко всему театру в целом. Приложим все наши силы к тому, чтобы слава театра и создателей его не меркла.

Вечную память о них можно сохранить для будущих поколений, только держа высоко знамя Художественного театра, а с ним — и всего советского искусства.

Народный артист СССР
И. МОСКВИН.

Творческая мудрость

Смерть Немировича-Данченко — это горестное событие не только для советского театра. Его смерть — тяжёлая утрата для всего прогрессивного мирового искусства. Имя Владимира Ивановича вместе с именем Константина Сергеевича Станиславского войдёт в историю мирового театра как память о гигантской творческой жизни, о неустанной работе над созданием глубокого, проникновенного искусства, искусства, строящего жизнь.

Сегодня я переживаю смерть Владимира Ивановича не только как театральный деятель, я переживаю её как личное горе. Пусть немного часов провёл я с ним в совместной работе, но эти немногие часы в памяти моей остались поучительными и вдохновляющими примером педагогической мудрости. Я смотрю на совсем ещё живое лицо Владимира Ивановича. Покой и мудрость были в нём сегодня. Творческая мудрость Немировича-Данченко послужит той основой, которая сохранит Художественный театр для потомства.

Народный артист РСФСР
Ю. ЗАВАДСКИЙ.

Учитель и друг

Встреча с Владимиром Ивановичем положила начало моей работе в театре. Неожиданно для меня я был приглашён в МХАТ для оформления спектакля «Реклама». Здесь мне и пришлось столкнуться с Владимиром Ивановичем, как режиссёром. Всё, что он говорил, было ново и интересно для меня, я раньше не предполагал, что он отводит столь большую роль театральному художнику в спектакле. Он говорил об отдельных актёрах и персонажах, заставлял думать над спектаклем в целом.

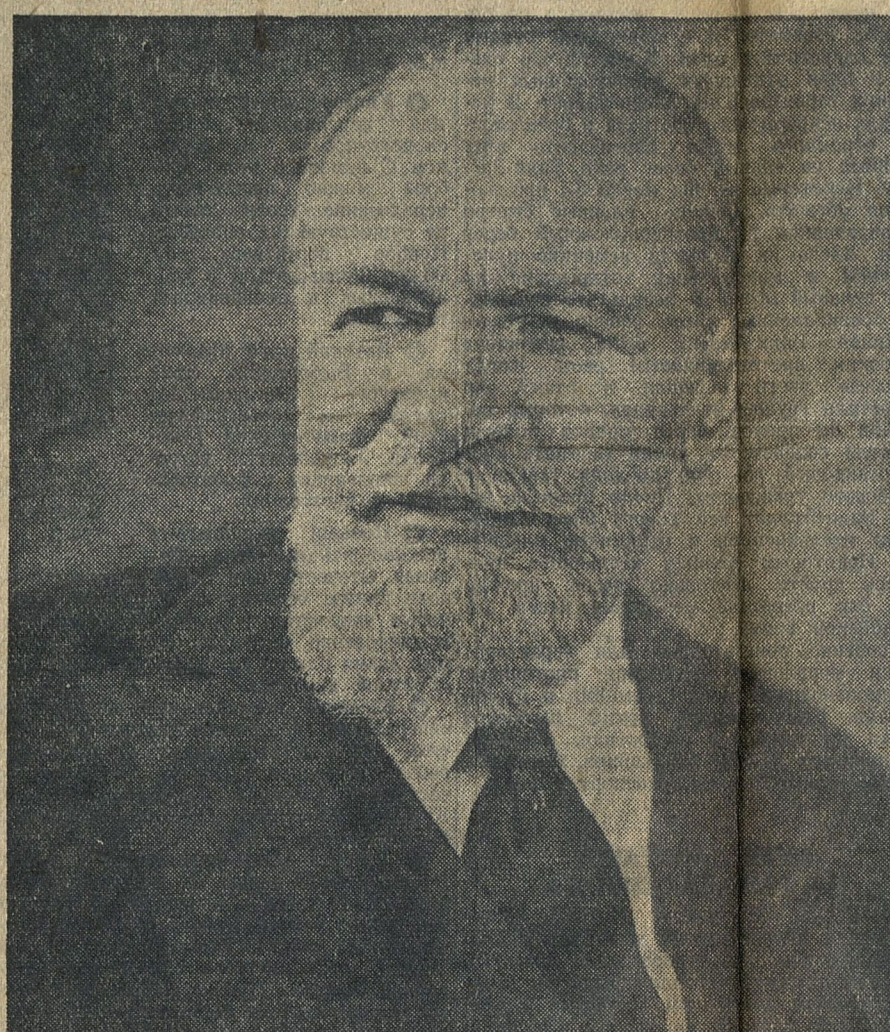
Потом я близко соприкасался с ним, работая над «Травиатой» (в театре его имени). Здесь мы впервые попытались найти форму спектакля-концерта. Помню, когда я принёс эскизы декоративные, Владимир Иванович сказал, что это совсем не то, и дал конкретные указания по оформлению.

Следующий спектакль — «Прекрасная Елена». Владимир Иванович стремился создать яркое, весёлое представление. Подробно вникая во все детали постановки, он очень бережно относился к творчеству художника. К сожалению, остались неосуществлёнными замыслы совместной работы с Владимиром Ивановичем над «Пиковой дамой».

Немирович-Данченко дал мне, как художнику, очень много. Он привил мне любовь к театру, указал истинные пути творчества. Он всегда говорил, что художник — не только декоратор, оформитель, а один из основных участников спектакля. Эти слова великого мастера театра служат девизом во всей моей работе.

Художник П. ВИЛЬЯМС.

Владимир Иванович Немирович-Данченко навсегда останется в памяти советского народа, которому он преданно и честно служил, как выдающийся строитель советской социалистической культуры, как вдохновенный и любимый художник. Его творчество долго будет служить источником познания и вдохновения для деятелей советского искусства, беззаветно отдающих свои силы и талант народу.

Памяти В. И. Немировича-Данченко

Умер Владимир Иванович Немирович-Данченко — великий мастер сцены, крупнейший режиссёр современности, один из основателей прославленного Московского Художественного театра, создатель и руководитель Государственного Музыкального театра.

В. И. Немирович-Данченко был гордостью русской национальной культуры. Его творчество, воспитанное лучшими традициями великого русского реализма, обогащённое передовым мировоззрением, во многом определило, наряду с творчеством К. С. Станиславского, пути советского искусства. От нас ушёл художник, революционная творческая мысль которого питала передовой русский театр на протяжении 45 лет и оказала огромное влияние на развитие мирового театра.

Имя Владимира Ивановича Немировича-Данченко было широко популярно и любимо советским народом, который видел в его творчестве образец высокой идейности, строгой выскательности, глубокого и вдохновенного мастерства. Сотни русских актёров в Москве, Ленинграде, в братских республиках воспитаны Немировичем-Данченко.

Театрально-педагогическая деятельность Владимира Ивановича открыла новую страницу русского драматического искусства и прославляла имя Немировича-Данченко как главы Московского Художественного театра, созданного им совместно с К. С. Станиславским. Московский Художественный театр стал выразителем идей и настроений передовых слоёв русского общества. Его основатели направили русский театр в сторону глубокой содержательности, гуманизма, реалистической простоты и жизненной правды. Борьба К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко с рутинной и штампованной театральной сценой имела глубокие последствия для русского и мирового театра.

В. И. Немирович-Данченко никогда не мыслит театра вне связи с общественной жизнью, со всем развитием национальной литературы и культуры вообще. Он впервые привлек на сцену русского театра А. П. Чехова и А. М. Горького.

Один из крупнейших режиссёров современности, В. И. Немирович-Данченко создал особую, новую школу режиссуры. Он разработал свой метод воспитания актёра и решения спектакля, раскрывая в каждой фразе постановки идейную, литературно-философскую сущность произведения.

В своих послереволюционных постановках романов Льва Толстого «Воскресение» и «Анна Каренина» Немирович-Данченко раскрыл всю глубину его человечности и

стическое мировоззрение. Он всегда стремился принести на сцену живую современность, хотя до революции часто был связан вынужденным молчанием драматургии. Тогда он обращался к Ибсену, воспламеняясь его ненавистью к мешанинскому благополучию, к Островскому, заставляя его старую пьесу звучать остро современным пафосом. Он брал роман Достоевского и, раздвигая привычные рамки театра, создавал национальную психологическую трагедию.

Немирович-Данченко был режиссёром-руководителем в самом полном смысле этого слова, режиссёром-педагогом и учителем. И эта его сущность развернулась во всём своём объёме благодаря Великой Октябрьской социалистической революции. Как он сам любил говорить, словно какой-то могучий прожектор затворился тогда в его душе и осветил новым светом судьбу и смысл Родины, родного искусства.

Он вновь обращается к творчеству гениальных русских писателей — Льва Толстого, Горького, Чехова, Грибоедова, и их образы предстают перед ним как бы в новом свете. Немирович-Данченко в эти годы формулирует основное устремление своего театра, как «театра мужественной простоты». Он объявляет беспощадную борьбу сентиментальности и сухому реализму в искусстве, считая их опаснейшими врагами художника. Он становится предельно требовательным к своим актёрам, не давая им останавливаться на полпути, всё выше поднимая над ними

Вдохновенный художник

Коротко по телефону произнесли три слова: «Умер Владимир Иванович». Навероятно! От нас ушёл огромный человек, поэт театра, крупнейший художник, носитель великой русской национальной культуры.

В истории театра Владимир Иванович — живое звено, соединяющее середину прошлого века с нашими днями. Среди людей, которых лично знал, с которыми общался, беседовал, спорил Владимир Иванович, были Достоевский, Островский, Чехов, Горький. 8 июня 1880 года на открытии памятника Пушкину в Москве Владимир Иванович слышал знаменитую речь Ф. М. Достоевского. Он видел А. П. Керя, который Пушкин посвятил стихи «Я помню чудное мгновенье».

Недавно на репетиции «Последней жертвы» Владимир Иванович сказал:

— Я писал рецензию на первую постановку этого спектакля.

Он на память перечислил всех участников первого представления пьесы Островского в Малом театре. Какая светлая, чистейшая память!

Одной из ярких черт Владимира Ивановича была неумолимая строгость ко всему фальшивому, косному в искусстве.

Вчера, в первый день, когда у нас шёл спектакль без Владимира Ивановича, мы ещё раз сказали себе: всё, созданное Станиславским и Немировичем-Данченко, мы обязаны не только хранить, но всегда неустойно совершенствовать, так же высоко нести знамя художественной правды, как несли его создатели МХАТ.

Заслуженный артист РСФСР
Б. ПЕТКЕР.

Воспитатель молодёжи

Сознание не может примириться с мыслью, что мы, ученики великого мастера сцены Владимира Ивановича Немировича-Данченко, никогда больше не услышим его мудрых слов о самом дорогом, что было для него в жизни, об искусстве.

Мне выпало огромное счастье двенадцать лет работать под руководством Владимира Ивановича в Музыкальном театре его имени. Я участвовал, как режиссёр, в спектаклях, постановках которых он непосредственно руководил. Каждая встреча с ним, каждая его беседа были насыщены мудростью, богатством мысли, тем жизненно-утверждающим волнением чувств, из которых полными пригоршнями мы черпали материал для работы с актёром.

Мне особенно памятна работа над спектаклями «Тихий Дон» И. Дзержинского и «В бурю» Т. Хренникова. Владимир Иванович проникновенно раскрывал перед актёрами и перед нами, режиссёрами, всю человеческую сущность того или другого образа. Репетиции его и беседы по этим спектаклям никогда мною не забудутся.

Немирович-Данченко требовал от искусства правды, мужественной простоты, резко протестовал против ложного пафоса и всякой сентиментальности. Он любил острые дискуссии на репетициях, любил, чтобы с ним спорили. Он всегда говорил: «Опровергайте меня вот тут же, доказывайте мне, если я неправ. Защищайте свою точку зрения, ибо в спорах с вами я также черпаю материал для утверждения своих мыслей».

Немирович-Данченко резко осуждал самоуспокоенность, не переносил поверхностного отношения актёра к своему труду. Его высокая требовательность, а подчас и суровость были лучшей школой и для актёров и для режиссёров.

Владимир Иванович любил молодёжь. Он умел замечать и выдвигать на ответственные роли актёров, занимавших очень скромное положение в театре, но обладавших той скрытой талантливостью, которая была заметна только ему одному.

Последняя встреча с Владимиром Ивановичем была у меня совсем недавно в связи с постановкой оперы Дзержинского «Надежда Светлова». С каким волнением говорил он о будущем спектакле, посвящённом Великой Отечественной войне! Он нарисовал образ ленинградской девушки Надежды Светловой, переродившейся за время войны. Она становится истинной дочерью русского народа, готового на любые жертвы во имя безграничной любви к своей Родине.

Его работа с либреттистом и композитором является образцом тонкого психологического исследования, умения предвидеть все стороны будущего спектакля. Самое дорогое для Владимира Ивановича — человек, актёр. Воспитанию актёра отдал свою огромную жизнь В. И. Немирович-Данченко.

Вечная слава ему!

Заслуженный артист БССР
П. ЗЛАТОГОВ.

Великий мастер театра

На полуслове, на незаключённой режиссёрской записи по поводу очередной работы Московского Художественного театра оборвалась жизнь его руководителя Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Здесь, в Художественном театре, он работал буквально до последних дней своей жизни, пренебрегая покоем, заслуженным за долгие годы жизни и творчества. Сюда неслись его мысли, даже когда он боролся со смертью. Будущее Художественного театра, основанного им совместно с К. С. Станиславским 45 лет назад, волновало его и в эти предсмертные часы. Он верил в светлое будущее своего театра, так же непоколебимо, как в нерушимую, вечную свободу своей Родины, которую так горячо любил.

Владимир Иванович Немирович-Данченко прожил удивительно, исключительную жизнь в искусстве. С детских лет влюблённый в театр, он жадно накапливал в молодости знания и навыки, необходимые человеку искусства, развивал в себе природные способности, чтобы войти в театр во всеоружии.

Опыт талантливого беллетриста, палеолога острого наблюдательностью, восприимчивый к душе чуждому и вкусу живой психологии. Постановка его пьес на первых столичных сценах ставила его в корифеи русского театра — Ермоловой, Федотовой, Савиной, Ленским, Южиним.

Его театральные рецензии затрагивали острые проблемы русского театра и открывали новые горизонты перед театральным-драматическим искусством. На его уроках в Московском Филармоническом училище воспитывалась молодая порода актёров. Вместе с ними, в содружестве с К. С. Станиславским, он стремился создать новый театр, в котором продолжил бы жить традиции великого русского реализма, очищенные от наносного пласта казённой сцены и театрального трафарета.

Создавая Художественный театр, Немирович-Данченко горел передовой творческой мыслью, неугасимой в русском народе, и сам будил эту мысль своими первыми спектаклями. Весь пронизанный высоким искусством театра, он никогда не соглашался снизить его до простого развлечения. На протяжении десятилетий он последовательно вёл своих учеников в глубины жизненной правды, воспитывая в них простоту и искренность. Стремясь создать образ живого человека на сцене, Немирович-Данченко утвердил на сцене Художественного театра лучшие произведения великой русской литературы. Вечно беспокойный, он умел волновать и заражать своим беспокойством других.

Чехов и Горький были для него больше, чем драматургами — он заставлял свой театр впитывать в себя их гумани-

стическое мировоззрение. Он всегда стремился принести на сцену живую современность, хотя до революции часто был связан вынужденным молчанием драматургии. Тогда он обращался к Ибсену, воспламеняясь его ненавистью к мешанинскому благополучию, к Островскому, заставляя его старую пьесу звучать остро современным пафосом. Он брал роман Достоевского и, раздвигая привычные рамки театра, создавал национальную психологическую трагедию.

Немирович-Данченко был режиссёром-руководителем в самом полном смысле этого слова, режиссёром-педагогом и учителем. И эта его сущность развернулась во всём своём объёме благодаря Великой Октябрьской социалистической революции. Как он сам любил говорить, словно какой-то могучий прожектор затворился тогда в его душе и осветил новым светом судьбу и смысл Родины, родного искусства.

Он вновь обращается к творчеству гениальных русских писателей — Льва Толстого, Горького, Чехова, Грибоедова, и их образы предстают перед ним как бы в новом свете. Немирович-Данченко в эти годы формулирует основное устремление своего театра, как «театра мужественной простоты». Он объявляет беспощадную борьбу сентиментальности и сухому реализму в искусстве, считая их опаснейшими врагами художника. Он становится предельно требовательным к своим актёрам, не давая им останавливаться на полпути, всё выше поднимая над ними

В. ВИЛЕНКИН.